

А.И. БОГДАНОВИЧ (1860—1907)

Текущие заметки

Прошло почти два месяца, как начала... действовать, хотел я сказать, государственная дума, но жизнь, текущая ужасная жизнь немедленно остановила меня: «не действовать, а — говорить».

И мне стало стыдно за себя и грустно за думу.

Действительно, я, как истый российский обыватель, не привыкший к действиям, принимал искренно слова за действия. Я аплодировал членам государственной думы, когда они говорили речи с балкона клуба в день открытия думы. Я задыхался от неизъяснимых чувств не то восторга, не то удовлетворенного самолюбия, когда 13 мая дума выразила недоверие министерству. Я горел вместе с думой от негодования, когда на запросы министрам дума получала оскорбительные отписки.

И долго еще я пребывал бы в таком состоянии пламенного самообольщения силой и энергией моей государственной думы. Моей — ибо я ее сам выбирал, сам агитировал за партию народной свободы...

Словно завеса разверзлась передо мною и я увидел то, что скрывалось за думой, за ее словесной борьбой с министрами, за всем тем обаятельным зрелищем, какое являл в течение шести недель первый русский парламент. Я увидел, что мы, обыватели, должны были видеть все время, но, увлекшись игрою в парламент, как-то просмотрели. Увидел, что ничто не изменилось, все не только осталось на своих местах, но укрепились и

стало откровеннее и наглее. Дума явилась как бы ширмой, за которой администрация почувствовала себя превосходно и потому сбросила с себя остатки стеснительных покровов законности.

Да, что ужаснее по своей откровенности, по своей наглядности переживали мы до сих пор? Ни в Кишиневе, ни в Одессе, ни в Гомеле офицеры, генералы и солдаты так спокойно и открыто не учиняли... расправы с «крамолой», олицетворяемой для них в «жиде». Офицер Миллер тяжело ранит девушку Рубановскую, ворвавшись за нею в ресторан. В присутствии подполковника Буковского и полковника генерального штаба Тяжельникова, солдаты и хулиганы грабят магазин Бернблума, (золотых и драгоценных вещей), капитан 4-ой роты Владимирского полка отдает команду: «По жидам стрелять беспощадно!» — и стреляли, стреляли беспощадно. Стреляли день, стреляли два, стреляли три дня. А генерал Бадер доносит 9 июня военному министру: «Поведение войск примерное... нарекание газет ложь...»

Сбылось, к моему великому ужасу, тяжелое предчувствие, заставившее меня два месяца тому назад высказать опасение, что при думе может оказаться еще хуже, чем было до думы. Я говорил, что это возможно в том случае, если мы, обыватели, возложив всю ответственность и надежды на думу, сами будем только вождельствовать к «свободам» да критиковать эту думу, по исконному обычаю русских обывателей. Так оно и вышло. Дума, если ничего не сделала, то худо-ли, хорошо-ли говорила и на своих «переходах к очередным делам» все же давала выход удручавшим ее и нас чувствам. Дума все-таки сочиняла законопроекты, хотя бы и не без тяготения к участку. Дума все как-ни-как волновалась, кипела, ругала министров, насколько

могла, отравляла им существование, — словом старалась во всю, поскольку ей это было отпущено. И если за два месяца ничего не добились реального, то у нее есть — не оправдание, а некоторое право на снисхождение. И самая прелестная девушка не может дать больше того, что имеет: так и самая энергичная дума в условиях русской действительности добились бы немногого.

Но мы-то, господа избиратели? Что мы делали за это время? Чем мы воздействовали на условия, в которых пришлось работать первому русскому парламенту? Я вам напомним ту странную пустыню, какую представлял Петербург в первый день русского парламента. Небольшая горстка любопытных, тысячи в три, около думы — вот как реагировала столица с полуторамиллионным населением на открытие первого нашего представительного учреждения <...>

Тут мы и возвращаемся к источнику всех наших надежд, радостей и огорчений: к народу. Он, и только он может спасти страну. В нем сила, в нем и спасение. И дума, и кадеты, и трудовики, и мы, стоящие вне думы, избиратели ее, постольку сильны, мощны, разумны, поскольку мы с ним.

Но что же такое народ?

Народ — это вся совокупность населения нашей родины, это вся масса в сто тридцать миллионов людей — русских, поляков, евреев, армян, татар, и прочих наших бесчисленных народностей. Вся эта гигантская масса всколыхнулась, охваченная общим страданием и общим стремлением. Страдание это — рабство, истомившее нас вконец, стремление это — к свободе, необходимой нам всем одинаково, как свет, как воздух, как пища, вода и огонь. Века мы изнывали под игом самовластья. Оно дошло до высшей степени своих

преступлений, ввергнув нас под конец в бездну нищеты, позора, несказанных страданий и обид. Оно еще держится силою организованной насильников и палачей, которым выгодно все то, от чего мы, народ, страдаем и гибнем. Противопоставить этой организованной силе насилия такую же организованную силу свободного народа — такова задача борющихся за свободу партий, такова задача народа.

Ряд побед уже одержан, ряд позиций уже отбит у врага; он выбит из позиций законности, и всякое его действие есть голое насилие, носящее свое оправдание на конце штыка. Это важнейшее пока завоевание, и наша дума сыграла и играет огромную роль в вытеснении врага в область беззакония... Дума, как истинная представительница народа, стоит на почве закона и день за днем объявляет все действия правительства вне закона. Только опираясь на штыки и пулеметы, правительство еще держится. Другой почвы у него нет. Устами своих представителей оно заявляет, что само считает свои действия незаконными, как это открыто высказали пристава, врываясь в типографии. И так как ни один из них не был привлечен к ответственности, напротив — с высоты думской кафедры министр Столыпин признал их незаконные действия «закономерными», то они, эти наивные выразители министерской программы, являются в наших глазах истинными выразителями того режима, с которым борется народ.

Отбив почву закона у умирающего режима самодержавия, народ имеет еще перед собою главную часть задачи освободительного движения: вырвать у самодержавия оружие, тот штык и пулемет, на которые оно только и опирается ныне. Эта задача страшно

трудна, и не надо скрывать от себя всех трудностей ее выполнения. Администрация — это одна враждебная рать, которую надо обезоружить и подавить. Армия — это вторая рать. Обе вместе они страшно сильны, ибо организованы, и этой организацией они сильнее, чем даже оружием, понимая под последним технические средства нападения и обороны. Отдельные стычки с этой силой зимой прошлого года показали, что они ведут только к усилению врага, обессиливая в то же время народ, который растерял при этом все слабые зачатки своей организации.

Дума пусть продолжает свое дело, дело дезорганизации правительства, все больше и больше проводя в население идею о незаконности его существования. Избиратели должны на местах, всячески поддерживая думу в ее агитации, готовить окончательное наступление всего народа на общего врага — самодержавную бюрократию.

«Мир божий», 1906, № 6, с. 35—42.